

Рапсодия: от др.-греч. ῥάπτω — «сшиваю»
и ᾠδή — «песнь».

*

Это история человека, отмеченного тем,
что он увидел в детстве.

Крис Маркер. Взлетная полоса

Little ghetto boy
When, when, when you become a man
You can make things change, hey hey
If you just take a stand
You gotta believe in yourself and in all you do
You've gotta fight to make it better
You'll see how other people will start believing too
Then, my son, things will start to get better
Everything has got to get better*.

Донни Хэтэуэй. Маленький мальчик из гетто

* Маленький мальчик из гетто, / Когда ты станешь мужчиной, / Ты сможешь изменить то, что вокруг. / Надо лишь стоять на своем, / Верить в себя и в то, что делаешь, / Бороться, меняя все к лучшему. / Тогда увидишь, как и другие поверят, / И тогда, сынок, все вокруг начнет меняться к лучшему. / Все должно измениться к лучшему (англ.). — Прим. пер.

Судьбе

1

Улица Леон

Когда я вырасту, я тоже стану писать отверженных, потому что, когда есть что сказать, всегда это и пишут.

*Момо из «Вся жизнь впереди»
Ромена Гари (Эмиля Ажара)*

Вонь помоек с моей улицы расскажет всю мировую историю. Улица Леон — зовут ее как коренного француза, но внутри — одни понаехавшие, белокожих тут не встретишь. Это отец решил, что мы поселимся здесь. Мне часто кажется, что старик без ума от нищеты: она будто любовь всей его жизни. Как вторая кожа, которую не сотрешь. Это уже в крови, навсегда. Здесь Барбес, Гут-д'Ор*,

* Гут-д'Ор («Золотая капля») — район в XVIII округе Парижа, Барбес — квартал, названный по проходящему рядом бульвару; там же под путями надземного метро расположен известный одноименный рынок. — *Прим. пер.*

XVIII округ Парижа, чужая планета, пристанище калек, ханыг, ранимых душ, «тех, кто выжил на Лампедузе»*, старых арабов из прошлого, с древними тюрбанами и древними лицами, толстенных мамаш с необъятными задами и такими же сумками-тележками, которыми они перегораживают дорогу, когда тебе надо перейти бульвар. Честных людей, которые вечно жмутся к стенке, как воры, чтобы их не замечали. На этой улице женщины не ходят в одиночку. Это город внутри города, огромный и уродливый, как гнойная бородавка на местной карте. Когда я первый раз сюда попал, не заметил большой разницы с той ливанской улицей, где бегал мальком. Что тут, что там, когда въезжаешь, многоэтажки давят тебя как комара. Входишь в них — и они тебя глотают, а потом выплевывают, как летом косточки первых гранатов, таких сочных, что ешь и радуешься как карапуз. Моя улица смахивает на разбомбленный город, на свалку под открытым небом, где не стены, а плачущие лица. Они здесь никогда не бывали белыми — они будто орут тебе в лицо, когда ты идешь мимо. В эту помойку я попал три года назад, но уже как будто постарел на десяток: стоило только присесть на скамейку в местном

* Остров в Средиземном море, ставший перевалочным пунктом для нелегальных мигрантов. — *Прим. ред.*

скверике. И поглядеть на людей. У детей вид, будто им стукнуло под сто. Стариковские глаза на ангельских мордашках. Особенно у черных мальков. Будто оттого, что живут друг на дружке, штабелями, у них и душа одна на пятерых. Не их вина, ясное дело. Но пока не приехал сюда, я таких не видел. Мой новый кореш по школе, сын мурабита из мечети Пуле, любит говорить нашему параллель-французику: «Оставь себе свою Францию, она не наша!» Ты спросишь, откуда чуренку вроде меня — то есть, простите, «недавно прибывшему», как говорит та толстуха из соцслужб, — знать все это? Скажу просто — я хитрю: делаю вид, что ничего не знаю, и тогда те, кто знают, узнают, что я знаю. Ну да, ты не понял, но забей, по ходу поймешь. Мать всегда говорит, что мы не такие арабы, как все, и, хоть и живем среди арабов, на них не походим. Поди разбери, чего она хочет сказать. Но в любом случае, в этом городе араб всегда остается арабом, особенно если ты с Барбеса. Хоть отскобли себя с головы до ног, залейся лучшим в мире одеколоном, чтобы цеплять лучших в мире телок и красоваться, какой ты пижон, — все равно от тебя будет тащить арабом с Барбеса. Такова жизнь, ничего не поделаешь. Тут ты и в Париже, и не в Париже. Эта улица — джунгли. Промораль забудь. Даже бородачи из мечети долбят друг с другом. Каждый сам за себя, и только Бог,

бедняга, за всех. Я делаю вид, что верю в него, для мамы. Но слишком много я повидал трупов там, дома, не хочу об этом говорить, вообще никогда. На моей улице у тебя нет права быть слабым: слабые кончают на тротуаре, как шлюхи с Порт-де-Клиши и курильщики крэка с Порт-де-ля-Шапель. По сути Барбес не отличается от Баабды. Те же морды наемников, видевших слишком много, тот же запах цветов померанца и гнили, та же музыка сквозь крики младенцев и пьяниц в кафе внизу, те же старые лица усталых матерей, все то же дерьмо, на которое всем глубоко плевать. Особенно тому Леону, который, как по мне, клал на все это болт, где бы он теперь ни был. Вот как я видел свою улицу — до нее.

Я люблю тебя, черт возьми! А всего-то стоило выглянуть, как обычно, в окно, покуривая косяк и поглядывая на старуху в доме напротив, у которой, когда она моет пол, видно сиськи. И тут, среди всех чужих окон, жухлых простыней на веревках, балконов, похожих на свалки, под вонь пригорелого жира, я увидел твое лицо мадонны. Принцессу среди отбросов. Большие черные глаза, которые уставились на меня. Я был голый по пояс, потому что только закончил драть на ролик с *YouPorn*, пытаюсь забыть все, что осталось там: корешей, свою жизнь, свой район, свою старую улицу. Хотелось хлебнуть

арака, но старик спрятал бутылку в шкаф и запер на два оборота. Я нашел только кусочек га-ша, пополам с подметкой, который выменял у сына мясника из халяльной лавки за диск со свеженькой *GTA 5*.

Как я люблю тебя! Ты сделала вид, что не видишь меня, потому что тебе нельзя смотреть на парней. Я как сумасшедший считал этажи, чтобы понять, где ты живешь. Видел, что и ты тоже. Потом ты глянула на меня украдкой, и я даже отсюда почувствовал, до чего нежная у тебя кожа, губы, как пахнут твои волосы. Я стоял как обдолбанный, но видел тебя и чувствовал так близко, внутри, что и на расстоянии мог бы заняться с тобой любовью. Ты задернула занавеску, будто я дьявол, но я догадывался, что ты еще там. Каких-то полсекунды — и ты навсегда засела в моей голове. Не буду говорить, что на улице Леон вдруг запели соловьи и распустились розы на месте бомжовской блевотины и шприцов наркоманов, но с того дня жизнь моя в этом гадюшнике изменилась навсегда. Я был одержим тобой. Готов был убить ради встречи. Днем и ночью я ждал, выглядывал тебя в соседских окнах. И совсем подсел на это дело: я изучал эту страну по окнам кроличьих клеток, которые здесь зовут квартирами. Я знал о них все, а что не знал — додумывал сам. Когда они едят,

когда дрыхнут, когда плачут, когда смотрят телевизор, кто никогда не трахается, кто трахается с кем, какой мудака лупит свою жену и своих детей, кто живет как бомж, а кто — как набоб. Я мог бы рассказать тебе, какой узор у них на обоях, чем пахнут простыни и лифчики почтенных мамаш. Но ты — твоё окно было безнадежно задернуто шторой, будто там никто не живет. Только иногда, во время Фаджра или когда читали Фатиху, в нем виднелся свет. Но в другое время — ничего, мертвый дом. Будто ты живешь в склепе. Но я не спускал глаз с твоего чертова окошка под самой крышей, и часто бывало, что вдруг замечаюсь. Взгляд застлала пелена, оттого что все пялюсь на окно как псих. Я даже сердечки рисовал на грязном стекле, чтобы ты знала, что я тебя люблю.

Но пришел день, когда я уже не мог так больше, и я похоронил тебя в своей голове. Я стал интересоваться новой соседкой с пятого, въехавшей вместо той старухи с обвислыми сиськами. У этой было охренительное тело. Я смотрел во все глаза. Эта блондинка ходила дома голышом, с цветами в волосах, и все писала себе что-то на буферах. На одном из языков Восточной Европы, на каком болтают наперсточки с Пигаль. В основном она занималась тем, что орала перед смартфоном что-то по-сербски,

по-украински или по-румынски, черт ее знает. Потом стали приезжать ее подружки, стайками по десять штук, и вот уже несколько десятков буферов покачивались прямо у меня перед носом. Всех форм и оттенков, разрисованные, в лепестках цветов. Брюнетки, рыжие, блондинки — я рыдал от восторга. Мне было плевать, что у них там такое: я благодарил Небеса за эту бесплатную ежедневную порнушку прямо у меня перед окнами. Я стал прямо нефтяным магнатом и поделился своим сокровищем с корешами, а то в школе уже решили, что я заливаю. Схема была простая: бесплатный вход для своих, плюс для тех, кто подгонит полбутылки вискаря или чего-то в этом роде; для остальных прыщавых — пять евро с носа. Месяца не прошло, как квартира предков превратилась в местное пип-шоу; мать решила, что я завел кучу друзей, чтобы практиковать французский. Моя комната была завалена бумажными платками, и пахло там как в старых подпольных кинотеатрах у нас в Бейруте, в христианских кварталах. Тот же шорох, с каким недотраханые уходили в нирвану, и тот же запах, который я впервые уловил, когда отец с его толстой тогдашней любовницей привели меня, еще ребенка, на фильм с Самией Джамал. Думаю, там и зародилась моя тяга к буферам. Все по вине взрослых, как ни крути.

И вдруг все накрылось — блондинка нас спасла. Был ноябрь, пятница, как раз кончался намаз. Мечеть на улице Пуле была набита битком, и, как всегда, старики молились прямо на мостовой, будто нищие. В комнате нас было четверо — Эли, Секу, Слобо и я — мы занимались тем, зачем и собрались. Заметив нас, эти дуры стали орать в окно, потрясая сиськами. Орали трехэтажным украинским матом, в котором, видимо, проклинались мы и все наше потомство. Они швыряли в нас все, что попадало под руку: веники, стулья, ботинки и даже свои труселя. Пара туфель и стринги наконец упали на голову старику, который молился на тротуаре. Можешь представить, какая поднялась вонь — прямо «Звездные войны», эпизод первый. Перед домом сисястых стала собираться толпа, вышел весь квартал. Бородачи, домохозяйки, нелегалы, уличные торговцы — против банды расписных буферов. Все мужское население улицы обзывало их шлюхами, на всех языках. Полетели шлепанцы, кораны, моленные коврики, трусы. Понеслась драка: все били друг друга, таскали за волосы. Пьянчуги даже пытались порезать девчонок «розочками». И все из-за нас. Одна из команды цветастых буферов поймала коран и подожгла его как факел, крича «Долой патриархат!» Другая стала мочиться у всех на

виду в знак протеста. Наконец подъехала полиция. Моя улица превратилась в огромный заголовок в вечерних выпусках новостей. Кругом камеры, копы, улица перегорожена: бородачи против голых телок. «Кровавая пятница: сорвано нападение исламистов на штаб-квартиру движения “Фемен” в районе Гут-д’Ор».

Что ж, сами того не желая, мы получили свою минуту славы — и все из-за дробки. Но, клянусь, мы этим не гордились. Внутри мы были еще дети, и, когда наша улица Леон стала превращаться в мини-площадь Тахрир*, мы забились под мою кровать. Лежа среди грязных платков, мы пялились на бледные лица друг друга и ждали, когда все закончится, — Слободан даже заснул. Чувствуя, как страх сводит живот, мы пролежали так, пока не стемнело и все не стихло окончательно. Я первый вылез и выглянул на улицу. Все было спокойно. Только старая румынка привычно ковыляла от мусорки к мусорке, таща за собой тележку. Я взглянул на дом напротив. Квартира сисястых сгорела, окно было выбито. Как в домах христиан, когда у нас, на родине, были против них теракты. Вдруг — уж не знаю, от страха или от адреналина — мне

* Площадь в Каире, ставшая главным местом общественных протестов в 2011 году. — *Прим. ред.*

Содержание

1. Улица Леон.....	7
2. Открыться нутром	18
3. Ида/Эдит/Виолетта/Этель Футтерман.....	31
4. Дрочка	44
5. Жервеза	52
6. Одетта.....	61
7. Те, у кого не будет детства.....	73
8. ЛОЛ-джихад	81
9. Девушка напротив.....	96
10. Открыться нутром.....	111
11. Бульвар разбитых надежд	119

12. Конец света.....	139
13. Отцы.....	145
14. Попробовать быть взрослыми.....	152
15. Спящая красавица из леса Дормуа.....	158
16. Конец 400 ударов.....	170
Эпилог. Открыться наружу	183
Благодарности.....	184
Плейлист Забытых.....	186